

НАТАЛЬЯ БАТРАКОВА

НАТАЛЬЯ БАТРАКОВА

Возвращение любви

Роман-диалогия

Книга вторая

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается
без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.

Оформление — *Екатерина Фerez*

Батракова, Наталья Николаевна.

Б28 Возвращение любви. Кн. 2 : роман-дилогия : / Наталья
Батракова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. —
(Формула счастья).

ISBN 978-5-17-090280-4

Устав от бесконечных ссор и примирений, Анна наконец-то принимает решение уехать. И уезжает на целых три года в надежде, что время и расстояние вылечат ее от недуга любви и болезненных отношений с Крыловым. Но нет. Они как два безнадежно влюбленных человека не могут отлепиться друг от друга. А теперь еще Крылов боится потерять Анну, боится, что она опять исчезнет, уедет... и может быть, этот страх поможет ему преодолеть себя и вернуть любовь...

Представляем продолжение романа-дилогии «Территория души».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090280-4

© Батракова Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть 1

НАМ ВРЕМЯ ПРЕПОДАЛО СВОЙ УРОК,
А МЫ УЖ ДУМАЛИ,
ЧТО В СВЕЖЬЕ ВСЕХ МУДРЕЕ...

В огромном номере шикарного отеля
Сидела женщина у темного окна,
Смотрела вдаль. Рука бокал, сжимала
Рубинового терпкого вина.
И подводила грустные итоги:
Всего достигла, всем сумела доказать,
Что имидж ее вовсе не случаен.
Но в мире сильных одиноко. Не понять,
Не заглянуть в бездонные глубины
Души... И усмехнулась про себя.
Вино горчило. И на сердце горько.
Устала жить, лишь в памяти люблю.
Блеснул брильянт. Внизу в банкетном зале
Идет прием и продолжается игра,
Где ждут ее случайные знакомства,
Порой, на час, и реже — до утра.
Тоска саднит и ноет, точно рана.
О боже! Что стремилась доказать?
Когда любовь, единственную в мире,
Гордясь собой, сумела потерять!
И как ничтожны эти достижения,
Коль главный зритель на другом конце земли!
Снять бриллианты, броситься вдогонку,
Вослед своей потерянной любви?
...И не заметила, как сильно пальцы ждали
Бокал с вином: секунда, хруст стекла.
И в тот момент другая боль сильнее
Пронзила, отрезвила, отвлекла.
...А рано утром гостя улетела.
И снова в номере царила тишина.
Блестели на осколках капли крови,
Застывшей боли цвета терпкого вина...

...Открыв глаза, Анна долго смотрела в одну точку прямо перед собой, затем медленно обвела взглядом салон самолета: пассажиры трансконтинентального лайнера мирно дремали в креслах, лишь кое-где люди в наушниках продолжали следить за сюжетом боевика по ТВ. Пытаясь удобнее пристроить затекшую руку, слева шевельнулась Катя.

«Всего-то три года, а кажется, что полжизни прошло», — Анна поправила подушку под головой дочери.

Неожиданно ее вниманием завладел посторонний звук. Повернувшись вправо, она сразу обнаружила источник шума: в кресле через проход спал необъятных размеров мужчина и, запрокинув голову, издавал все усиливающийся храп.

Этот звук преследовал ее с детства, и по ночам, когда бабушка перебиралась к ней в комнату, Анна, просыпаясь на секунды, сравнивала спящего за стенкой дедушку с залегшим в берлоге медведем.

Впрочем, во время семейной жизни с Игорем ей пришлось ненадолго смириться с этим не очень приятным звуком. И пусть он храпел не так сильно, как дед, на первых порах частенько будил Анну среди ночи. Но вскоре она приспособилась, старалась засыпать раньше мужа, а ночью решительно заставляла его повернуться на бок, успевая задремать до того, как над ухом снова раздастся набирающее мощь сопение. И все же именно по этой причине после рождения Катюши семейная пара стала спать в разных комнатах: девочка пошла в маму и не выносила ночные «музыкальные» экспромты отца.

«А вот Крылов не храпел», — вспомнила она и грустно усмехнулась.

Снова посмотрев в сторону «оперного певца», она обратила внимание, что храп заставил проснуться и соседей. Ко всему прочему, «растекшись» всем телом по объемному, но явно не подходящему ему по размерам пассажирскому креслу салона первого класса, мужчина всячески норовил захватить и пространство рядом: левые нога, плечо и рука вероломно нарушили невидимые границы территории его соседки, пожилой дамы хрупкого телосложения.

«С таким соседом не то что не уснуть, оглохнуть можно. А лету еще два с половиной часа!» — посочувствовала ей Анна.

Поискав глазами свободное место, она вздохнула и нажала кнопку вызова бортпроводника. Кивнув головой в сторону продолжавшего издавать громкие звуки мужчины, она вежливо обратилась к обаятельной девушке в униформе:

— Простите, не могли бы вы пересадить нас на другое место? Здесь очень шумно.

— О, сожалею, — понимающе ответила стюардесса. — Но свободные места есть только в салоне экономкласса и находятся далеко друг от друга. Может быть, я попытаюсь его разбудить?

— Это решит проблему лишь на время, — со знанием дела заметила Анна. — Хорошо, давайте попробуем его разбудить.

Виновато похлопав ресницами, сонный сосед переместился на сиденье и тут же снова задремал. Спустя пару минут, следуя законам физики, его тело стало плавно «перетекать» в прежнее положение, заполняя собой все дырочки и щели между подлокотниками, спинкой кресла и сиденьем. Еще раз с сочувствием взглянув на его соседку, Анна вынуждена была согласиться с таким положением дел: во всяком случае, стало тише и мужчина всего лишь сопел. Усилием воли она заставила себя переключиться на другие звуки. Расслышав далеко за спиной тихий плач грудного младенца, она улыбнулась.

«Котенок совсем, — подумала она, пытаясь по звуку определить, сколько же малышу месяцев. — Катька плакала иначе: словно кто-то медленно открывал несмазанную дверь».

Придвинувшись ближе к спящей дочери, она склонила голову и тоже попыталась уснуть...

...В четверг вечером Костя сидел в кресле у камина и вертел в руках приглашение на новоселье, совмещенное с юбилеем свадьбы у старых друзей. Достроив дом, те переехали жить за город еще летом, но, будучи занятыми людьми, все никак не могли отметить это событие в кругу друзей. Надежда и Юрий Локтионовы последние четыре года много ездили по миру, а учитывая, что старшая дочь во время учебы в Швейцарии вышла замуж и родила ребенка, постоянно курсировали между Минском и Женовой.

На шуточные вопросы, стоит ли им вообще возвращаться домой на грешную землю, старый романтик Юрий загадочно улыбался и от-

вечал одной фразой: «Для меня за границей земли нет». Как сердце пятидесятирехлетнего мужчины смогло сохранить такой патриотизм к родной стороне, многим было непонятно: далеко не всегда эта земля была к нему благослонна. Всем была памятна история, когда, покинув министерское кресло, он получил свой первый инфаркт. Следующий едва не случился с ним во время «травли» фирмы давнего приятеля, у которого он работал. Выписавшись из больницы, Локтионов прекратил всякую деятельность, а так как в молодости более десяти лет проработал на Севере, оформил пенсию за выслугу лет и, не дожидаясь, пока уляжется сопровождавшая это дело шумиха, уехал с семьей в Европу.

Многие были уверены, что Локтионовы эмигрировали, но, прожив за границей около десяти месяцев, семейная пара вернулась накануне Нового, 2000 года: Юрия, имевшего ученую степень и богатейший опыт, пригласили читать лекции по экономике в один из коммерческих вузов.

Завершив строительство дома, заложенного еще в девяносто четвертом, он соорудил на участке две теплицы и занялся выращиванием экзотических растений. Утверждая, что человек должен жить поближе к земле, Локтионовы стали рьяно проповедовать философию жизни за городом.

Перенервничав в свое время за здоровье мужа, Надежда, архитектор по профессии, всячески защищала их теперешний мир от любых внешних раздражителей, и особенно от политики. Она подерживала новое увлечение супруга и была рада поселившемуся наконец в их сердцах умиротворению.

Период знакомства Крылова с Локтионовым пришелся на начало девяностых, на то время, когда компания Константина только становилась на ноги. Именно с помощью Юрия Ивановича он получал свои первые контракты на модернизацию связи на нескольких государственных объектах. Воспитанный на традициях советского времени, Локтионов не преследовал никакого личного интереса и пресекал любые попытки разговоров на подобную тему.

После ухода Юрия Ивановича с государственной службы начался другой период их взаимовыгодной деятельности. Именно тогда они и стали хорошими друзьями. Если бы Локтионов не оставил дела, а Крылов, наоборот, не раскручивал свое дело вверх

по спирали, они скорее всего долго бы шли в одной связке. Встретить такого надежного партнера, такого чистого и светлого человека было большой редкостью. А потому не было ничего удивительного в том, что Костя оказался среди тех немногих, кто не оставил попавшего в опалу Локтионова в трудный момент. И Юрий с женой это ценили...

— Юра, привет, — решился сделать поздний звонок Крылов. — Получил, получил... Ты не обидишься, если я не приеду?.. Вот так прямо и отказываюсь, не умею я вокруг да около... Причина? Если честно, то просто устал, не до веселья, а народу у тебя соберется немало... Вот видишь, угадал... Кто будет? — услышал он знакомую фамилию человека, не так давно вынужденного поменять место жительства на Москву. — ...Интересно. Ну что ж, это меняет дело. Надя когда прилетит? Завтра? С Алесей и внуком? А сколько ему уже? Почти два года?! Вот время летит... Как это одному не появляться? А с кем? Что-то я тебя не пойму никак... Ах, так... Да я давно понял, твоя Надежда решила устроить мою личную жизнь, только ты ее успокой, пусть зря не старается... Хорошо, до встречи двадцать второго.

Зажав трубку в руке, Костя усмехнулся. Он уже привык, что время от времени жена Локтионова пытается познакомить его с кем-нибудь из членов женского клуба, идейным вдохновителем которого была ее близкая подруга.

«Завтра пятница, — прикинул он. — И с кем бы появиться у Локтионовых? Вот дожил! Ирину-то с собой не пригласишь...»

Долгое время у Кости не было постоянной женщины. Вернее сказать, после того как в его душе затянулась глубокая рана, он твердо решил, что никого и никогда не пустит больше на эту территорию. Едва он начинал чувствовать нечто большее, чем обычное мужское желание, тут же прекращал всякие отношения. И если с женской стороны слышались откровения по поводу одиночества и желания найти вторую половину, Крылов просто бежал прочь сломя голову. Отныне его личная жизнь стала закрытой темой для всех, а потому о завязавшемся романе с журналисткой никто, кроме Виктора, не знал.

Костя познакомился с ней около десяти месяцев назад, когда на фирме готовились к юбилею и заключили договор с одной из газет

на публикацию нескольких статей рекламного характера. Первый же день совместной работы плавно перешел в вечер и закончился бурной ночью. И все — тишина. Ирина не подавала о себе вестей, лишь дважды звонила Хорину, уточняя некоторые вопросы. После выхода статьи Крылов позвонил ей сам. Снова встретились, и снова все закончилось стремительным проявлением страсти... прямо у него в кабинете. После этого он снял квартиру. Раз в неделю, а иногда и чаще, они встречались на пару часов и разъезжались в разные стороны, не обременяя друг друга ни лишними разговорами, ни обещаниями.

Молодая женщина, которой не хватало в жизни то ли внимания, то ли секса, то ли острых ощущений, так же как и он, была заинтересована в том, чтобы никто не узнал об их связи: обоим устраивала исключительно интимная сторона встреч. О том, что она замужем и имеет семилетнего сына, а уж тем паче о том, что ее муж, разница с которым в возрасте была около пятнадцати лет, удачливый предприниматель, Крылов узнал лишь к концу третьего месяца знакомства. Удивившись тому, что без эмоций воспринял эту новость, он окончательно успокоился: ни он, ни Ирина ничего не собирались менять в своей жизни. Угрызений совести он также не испытывал: он был свободен, а она в любой момент могла сама прекратить отношения...

— Ну, как дела? — заглянул он в комнату к сыну.

— Уроков уже не задавали, зубы почистил, душ принял, — перечислил Олег. — Па, в шахматы сыграем?

Записавшись в гимназии в шахматный кружок, сын мало-помалу заставил и отца вспомнить любимую прежде игру. И если год назад младший Крылов лишь учился передвигать фигуры, в этом году Костя почувствовал качественный скачок: все чаще ему приходилось внимательно следить за игрой, а не отвлекаться на экран телевизора. Вечерняя зарядка для ума была полезна обоим.

— Что интересного в гимназии? — помогая расставлять фигуры, спросил отец.

— Все нормально.

— С Егором помирился?

— Еще вчера. Мы с ним даже картриджами к Game Boy обменялись. У него день рождения двадцать пятого декабря, ты меня отпустишь?

— Конечно. В воскресенье утром съездим за подарком. Ну а как с девочками? Родители будут жаловаться? — осторожно уточнил Костя, передвинув фигуру.

Он знал, о чем спрашивал. Одноклассник Олежка не переносил на дух и периодически их третировал, о чем упоминалось почти на каждом собрании.

— Не будут, — сразу насупился сын. — Я их больше не трогаю. Я с ними вообще не разговариваю.

— Это почему же?

— Клячные они все, — заключил Крылов-младший. — И разговоры у них клячные.

— Где ты таких слов нахватался? — недовольно удивился Костя. — Так нельзя, Олег. Всегда можно найти общую тему для разговора или придумать игру, в которую захочется поиграть всем. Вот скажи честно, ты хотел бы подружиться с девочкой?

Сделав вид, что сосредоточился на шахматном поле, мальчик долго молчал.

— Я не хочу с ними дружить, — наконец ответил он. — Потому что им нельзя верить. Я уже дружил с Катей, но она меня предала.

Костя замер: впервые за последний год в разговорах с отцом сын упомянул Катюшу Круглову.

— Почему ты так считаешь?

— Она обещала мне письма писать, но так ни одного и не прислала. Твой ход, — напомнил он отцу.

«Так вот в чем причина! — запоздало дошло до Крылова. — А я-то все никак не мог понять, что с ним происходит».

На душе стало нехорошо.

... Два года назад, заехав перед продажей в пустующую квартиру в Сухарево, он открыл битком набитый почтовый ящик и, так как времени было немного, просто выгреб всю корреспонденцию в целофановый пакет и бросил в багажник автомобиля. Пакет обнаружился лишь весной, когда пришла пора «переобуwać» машину: непонятно, каким образом он оказался в гараже и лежал на полке рядом с дисками и летней резиной.

Костя отнес пакет к топке парилки и, бегло скользнув взглядом по бумагам, одну за другой бросил в огонь сначала всю рекламу, затем старые извещения и давно оплаченные счета. В конце концов на плитке остались лежать лишь несколько поздравительных открыток и конверты, подписанные детской рукой. Глянув на штемпель, датированный осенью 2000 года, он машинально вскрыл один из них.

«Здравствуй, Олег! — было написано на верхней строке крупными буквами. — Пишет тебе Катя Круглова. Как ты поживаешь? Я живу хорошо и уже хожу в школу. Сначала мне было очень тяжело, потому что я не знала английского языка. Но дедушка Роберт взял для меня сразу двух репетиторов, и с осени я занимаюсь в самой лучшей частной школе, но на школьном автобусе с другими детьми мне пока ездить не разрешают. Меня возит водитель, а иногда после занятий забирает тетя Джессика. Мама рано уезжает на работу и приезжает, когда я уже дома. По законам нашего штата таких детей, как я, нельзя оставлять без старших, и рядом со мной постоянно находится кто-нибудь из взрослых членов семьи или домработница Синди.

Учусь я хорошо. Продолжаю играть в теннис четыре раза в неделю. Джессика хотела, чтобы я занималась фигурным катанием, но надо очень рано вставать, и мама не согласилась. Она считает, что я сильно устаю.

Как бабушка Саша и ее сердце? Мы с мамой часто вас вспоминаем.

До свидания. Мама передает всем привет».

Пробежав глазами записанный крупными буквами на английском адрес, Костя долго смотрел на конверт.

— Папа! — внезапно услышал он голос сына, подъехавшего на велосипеде к автоматическим воротам большого гаража, в котором ставили джип. — Ты не знаешь, где насос?

Словно очнувшись, Крылов непроизвольно смял письмо, подхватил с пола остальные конверты, бросил их в огонь, и... тут же пожалел о содеянном. Виновато посмотрев в сторону сына, он нашел насос, помог подкачать колеса и усилием воли заставил себя забыть о письмах...

— ...Ну, понимаешь, — начал Костя издали, — она так далеко живет, что письмо могло и затеряться.

— Но ведь мамины письма доходят! Можно было еще одно написать, — буркнул Олежка.

«Было и второе, и третье, но все они повторили бесславный путь первого», — вспомнил он, машинально передвигая фигуры.

— Пап, тебе мат, — произнес сын без всякого энтузиазма в голосе. — Что-то играть совсем расхотелось, давай спать.

— Ну, давай, — вздохнув, согласился Крылов, несмотря на то что успел переключиться на игру и, оценив положение, нашел путь, как избежать бесславного поражения.

Выключив свет в Олежиной комнате, он прошел мимо спальни Саши, из-под двери которой уже не пробивался свет, и, спустившись на кухню, закурил.

«Он еще их помнит, а я-то надеялся... Впрочем, он и Свету помнил, хотя был намного младше. Что-то, видно, я упустил и на этот раз. Что? То, что он ребенок и не желает принимать мою позицию, которую ему еще рано разъяснять? Значит, подождем, пока вырастет! — вдавил он окуроч в пепельницу и, словно пожелав себе спокойной ночи, добавил: — Все течет, все меняется!»

— ...Вы говорите по-русски? — на всякий случай уточнила раскрасневшаяся Анна у женщины с модной стрижкой, которая сидела в их ряду на крайнем от прохода месте и увлеченно просматривала журнал на немецком языке.

В самолет они с Катей вбежали последними: забыли в кафе пакет, в котором девочка везла подарки для Олега. Затаив в душе обиду, что он так и не ответил на ее письма, она тем не менее тщательно выбирала, что бы такое ему привезти из Штатов. Вот и пришлось Анне, крепко сжав Катюшину ладошку в одной руке и не выпуская из другой небольшую дорожную сумку, мчаться во весь дух в другой конец аэропорта, дважды повторив прохождение паспортного контроля.

— Да-да, конечно, — женщина закрыла журнал, встала с места и любезно пропустила мать с дочерью ближе к иллюминатору. — Позвольте, я вам помогу, — произнесла она приятным мягким голосом и протянула руку к пакету, чтобы положить его в отделение для ручной клади.

— Нет, он будет со мной, — буркнула девочка и, спрятав мешок под сиденье, отвернулась к окошку.

Анне стало неловко. Но женщина, которой на вид было около пятидесяти, пожала плечами и понимающе улыбнулась.

— Наверное, что-то важное везет.

— Простите, — извинилась Анна за дочь и пояснила: — Мы из-за этого пакета едва на самолет не опоздали, пусть уж держит у себя. Оставили в кафе, пришлось возвращаться. Уф! — выдохнула она. — Давненько я так не бегала.

— Вы летите домой? — неожиданно заинтересовалась женщина и тут же представилась: — Меня зовут Надежда.

— Анна, а это моя дочь — Катя. Мы живем в США почти три года. А точнее, двадцать девятого декабря исполнится ровно три года, как мы вылетели из Минска.

— Значит, к родственникам, на Новый год? — предположила соседка.

— Нет, — грустно улыбнулась Анна. — Близких родственников у нас там не осталось. Разве что могилки навестить. Соскучились, хочется посмотреть на родной город, встретиться со знакомыми. А вы? В гости или домой?

— Домой, слава богу! Муж с младшей дочерью ждут, а я старшую с семьей везу как подарок. Позади сидят. Антошка спит, умаялся, бедный, с этим перелетом. В три часа ночи встать пришлось.

— И мы ночью прилетели, — поделилась Анна. — А сколько мальчику?

— Через месяц исполнится два годика.

Выстояв очередь готовых к взлету авиалайнеров, самолет понесся по полосе, оторвался от земли и, задрав нос, стал набирать высоту.

— ...Дети учатся и работают одновременно, — продолжила свой рассказ Надежда. — Получают второе высшее образование. Мы внука сразу хотели у себя оставить, так не дают. Только в период сессий да практики. Стараются сами воспитывать.

— Молодцы!

— Молодцы, — согласилась женщина. — Вот только нам скучно. Зато когда всей семьей собираемся — такая радость! Я специально у них две недели жила, чтобы они успели все свои дела доделать.

Двадцать четвертого семейное событие — тридцать лет со дня свадьбы. Гостей приглашаем в воскресенье, заодно и новоселье отметим.

— Поздравляю от всей души! По нынешним временам это такая большая редкость — тридцать лет совместной жизни!

— Ну что вы! Среди наших ровесников это вполне обычная дата. Это у нынешней молодежи все иначе, чуть что, фыркнул и разбегаются в разные стороны. А ведь семейная жизнь — это труд, как и все остальное. Женщины нынче забыли золотое правило наших бабушек: уступи в малом, наверстаешь в большом.

— А если от них требуют уступать постоянно? — не согласилась Анна. — Как это выдержать, если природа и тебя щедро наделила мозгами? Нежность и теплота у нынешних мужчин уходят на второй, а то и на третий план. Сплошное «я», желание постоянно командовать, главенствовать.

— А ведь мужчины могут упрекнуть женщин теми же словами, — после паузы глубокомысленно заметила соседка. — Недавно, перед моим отъездом к дочери, у нас в женском клубе выступала женщина. Многого добилась в жизни и все же главным своим достижением считает сохранение семьи. Мне запомнилась одна ее фраза: как долго она стремилась стать первой, и лишь на двадцатом году семейной жизни поняла, как хорошо быть второй. С одной стороны, вроде как сдала все завоеванные позиции, а с другой — наоборот, поднялась на пьедестал. Вот как бывает... Рецептов счастья никто не выписывает, у каждого он свой, придуманный жизнью.

«Как просто сказать: стать второй, — решив вздремнуть после обеда, задумалась над ее словами Анна. — Стать второй. Могла ли я спасти брак с Игорем, став второй? Забыть о том, что кому-то надо зарабатывать деньги, кормить и одевать не только Катю, но и его, любимого? Нет, это бы не помогло. Ему нужна была такая женщина, как Людмила: умная, постоянно находящаяся рядом и незаметно для других управляющая им, как ей заблагорассудится. Я другая, прямолинейная. Мы с ним были чужими половинками, и именно в этом заключалась наша беда. Впрочем, на сегодняшний день приходится сожалеть лишь о том, что Катя растет без отца. Если от подобного брака не остается детей, о нем стараются не вспоминать».